

Фрагменты большого полотна

З. КЕДРИНА

труда и его презрение к носителям старого, тщетно пытающимся затормозить победное движение народа к коммунизму.

Но эмпирического знания жизни и быта одного или даже нескольких колхозов оказалось недостаточным для создания большого и цельного эпического полотна. Эмпирического знания отдельных участков жизни явно недостаточно и для глубокого постижения природы нового, неантагонистического конфликта нашей жизни, в котором борьба передовых людей с отстающими является борьбой за их самих, за их рост, за изживание их отставания.

Если мы обратимся к лучшим произведениям нашей прозы, посвященным послевоенному времени, то увидим, что во многих из них в основе лежит именно этот новый конфликт. Именно таков конфликт между Грушей и Родионом в романе Е. Малышева «От всего сердца». Борьба с Бубенцовым против узости его понимания колхозных интересов, парторг колхоза «Заря» в романе Ю. Лаптева в то же время борется за дальнейший общественный рост Бубенцова. В романе Г. Мустафина «Миллионер» выступая против недальновидного метода руководства колхозом со стороны старого Яскаля, демократизированный фронтвик Жомарт в то же время стремится помочь старуку освободиться от пережитков патриархальщины.

Вот этот конфликт, более сложный и тонкий, чем конфликт антагонистический, к тому же имеющий весьма молодую эстетическую традицию, не занимает должного места в новом романе Айбека. Автор стремится к раскрытию конфликта антагонистического, между передовиками колхоза и такими враждебными колхозному строю людьми, как барзанный торговец Аширмат, чета спекулянтов Фаизуллаевых или пролезавший в правление колхоза чужак Каримкуд. Но так как автор романа не вскрывает глубины конфликта между передовыми людьми колхоза и враждебными колхозному строю силами, то и конфликт распадается на серию мелких конфликтов — недоразумений, легко и быстро разъясняющихся, не имеющих реального влияния на судьбы и характеры основных героев повествования.

Казаюсь бы, наиболее серьезная из враждебных фигур в романе — Каримкуд. Будучи разоблачен и смещен с должности председателя Совета урожайности, он решается на вредительское действие — угон баранов из колхозного стада для того, чтобы продать их на базаре и бежать в Таджикистан или Биргизию вместе со своим сообщником, бражником муллою. Но как показывает это Айбек! Каримкуд, пользуясь своим прежним знаком, как бы от имени председателя забирает овен у пастигунов и среди бела дня открыто тонит их на базар. Разумеется, на дороге он встречает Уткума и Камилу, которые его и его подручного передают властям, а баранов отбирают. Таким образом конфликт романа разрешается без серьезной борьбы. Образы героев, оказывающихся по воле автора вне всякого жизненно важного конфликта, не развиваются, остаются на последних страницах романа примерно такими же, какими были на первых.

Глубокое постижение борьбы нового со старым, определяющей рост и развитие человеческого характера, требует от художника постоянного изучения законов развития советского общества, тех непрерывно возникающих и разрешающихся, своеобразных на каждом новом этапе, противоречий, которыми сопровождается каждое общественное явление. Создание большого эпического полотна требует не только мастерского воспроизведения его деталей, пусть и хорошо увиденных и точно переданных художником, а постижения всего процесса в целом, умения подняться до большого обобщения фактов действительности. В этом и заключается истинное мастерство.

Опыт талантливого художника Айбека в его романе «Ветер золотой долины» неопровержимо доказывает, что никакая талантливость не может возместить всестороннего изучения и глубокого постижения действительности в ее неспирально развивающемся, без которых нельзя создать законченного произведения социалистического реализма.

И еще одна пара, уродливая и смешная в своем бессилии. Секретарь правления колхоза Насимджан Фаизуллаев и его спутница-жена Мастура, тщетно старающиеся противопоставить свои ничтожные стихательские цели и устремления общеколхозным делам.

Читатель увидит в романе Айбека и картины массового подвига людей, спаянных единой волей к творчеству нового, как, например, небольшая сцена ликвидации прорыва дамбы. Найдут он и лирические наброски молодых пар, любящих, робующих, ревнующих и, наконец, счастливых, и бытовые сценки, показывающие новые отношения людей между собой.

Однако чем дальше вы читаете книгу Айбека, чем больше людей попадает в поле вашего зрения, чем больше самых различных по значимости содержания и уровню художественного мастерства картин, тем больше вы убеждаетесь, что перед вами как бы хроникальная запись довольно большого отрезка времени из жизни одного колхоза. Мелькает множество сцен, ситуаций, людей или их почти анкетных характеристик. Но вы не видите во всех этих отдельных частях большой картины единого, направленного замысла. При всем обилии людей и событий роман статичен, в нем отсутствует движение сюжета.

Отсутствие закономерного развития сюжета, в свою очередь, мешает развиваться и характерам людей, и они становятся иллюстративными, как иллюстративны и многие эпизоды романа. Так, живо начертанный портрет мальчика Джурата, благодаря тому, что образ его в дальнейшем не развивается, становится лишь волнующей иллюстрацией к положению о росте людей во время Великой Отечественной войны, фотографией одного момента жизни, а не отражением ее движения.

Сцена прорыва дамбы сама вне связи с нарастающими трудовыми усилиями вдохновенного единой целью коллектива. Эта картина служит скорее всего частной и весьма неблагодарной цели — иллюстрации старого литературного шаблона, согласно которому секретарю райкома никогда не удается выбрать время для своих семейных дел. Только что собрался секретарь райкома Сайрамов (кстати, довольно бледная и схематичная фигура) провести вечер с женой и детьми, как происходит стихийное бедствие, прорыв дамбы, и Сайрамов вынужден броситься туда, конечно же не выпавшим и не отдохнув. Подобные примеры можно привести и еще, но дело не в количестве примеров. Дело в том принципе отражения действительности, который положен в основу нового романа Айбека — принципе сглаженного изображения отдельных моментов жизни, а не обобщенного отображения закономерностей ее развития.

Отсутствие общего для всей книги идейного замысла и основного сюжетно-конфликтного узла, связывающего единую все линии многопланового эпического повествования, вызывает к жизни множество отдельных маленьких замыслов и разрозненных мелких конфликтов, которые возникают и исчезают, не успев развернуться (как, например, ряд мелких недоразумений между положительными героями, вызванных клеветнической деятельностью чуждых элементов, пролезших в колхоз). Нужно ли говорить о том, что единый большой конфликт никак не может быть заменен многими маленькими или даже большим недоразумением, что само по себе конфликт не в какой мере не соответствует недоразумению!

То, что произошло с романом талантливого писателя Айбека, заставляет еще в один раз обратиться к проблеме изучения писателем действительности. Мы ли в какой мере не подвергнем сомнению, что Айбек знал людей, подобных изображенным в его книге «Ветер золотой долины», что он неоднократно бывал в колхозе и видел, как эти люди живут и работают. Не вызывает сомнения также и его теплое чувство к передовикам колхозного

ПОБЕДА СТРОИТЕЛЕЙ

СТАЛИНГРАД (Наш корр.). Строители Береславского гидроузла Волго-Донского судосудного канала выполнили слово, данное товарищу Сталину, — строительство сооружений в основном закончено.

...Высоким прямым гробом перерезает заснеженную стену двухкилометровое тело плотины, вымощенное камнем. Она задержит воды Береславского водохранилища, глубина которого в отдельных местах достигнет двадцати метров.

Изаляны выны два белокаменных здания. Это башни управления массивными ремонтно-заградительными воротами.

Третьим сложным гидротехническим сооружением является водоброс, расположенный почти в самом конце плотины. В случае необходимости раскрывают его большие металлические шиты и излишек воды искусственного оазиса будет сброшен в сторону Дона, в русло реки Червленая.

Коллектив строителей гидроузла закончил основные работы. Только для ремонтно-заградительных ворот было собрано и смонтировано свыше 370 тонн металлических конструкций. Уложены десятки тысяч тонн бетона. Сейчас заканчиваются электромонтажные работы и строители приступают к архитектурному оформлению гидросооружений.

ПОСЛЕДНИЙ КУБОМЕТР БЕТОНА

Написан повелением на стене камеры пллза на многометровой высоте: «Закончили основные работы на пллзе к 7 ноября!» Она напоминала об обещании, данном коллективом 3-го пллза в письме товарищу Сталину, — сократить срок строительства на два месяца.

Летом прошлого года, когда котлован под пллзом был почти готов, случился оползень. Подземные воды разжижили землю. Но только пятидневные экскаваторы — человек не мог бы удержаться на ней.

Начальник пллза Ярослав Христофорович Соболев предложил строить пллзы. Из досок, толстых бревен, железнодорожных шпал сделали трехслойные настели, способные выдержать тяжесть машин. С таких искусственных островков экскаваторщики черпали жидкий грунт. Работал в этих условиях, механикаторы 3-го пллза поистине совершили подвиг — к бетонированию приступили лишь с небольшим опозданием.

К весне полностью затонировали дные камеры пллза и дине его верхней головной части. Коллектив снова вышел в переловые ряды соревнующихся. Мы побывали на пллзе в знаменательный для коллектива день: последние кубометры бетона были уложены в устье верхней головной части. Предстоит бетонировать последние ярусы стены камеры и устье нижней головной части.

Мы стоим на возвышенности. Визу работает монтажники — устанавливают многотонные конструкции опусковых ворот. А снаружи камеры идет засыпка землей. Один за другим сбрасывают грунт самосвалы. Мощные тракторы вырывают площадку. Она поднимается все выше и выше, и уже от наплыва, сделанной несколько месяцев тому назад, остается лишь ода склона.

Закончим...

Но вот и это слово исчезает. Закончили! Седьмого ноября коллектив третьего пллза доложил Родине: слово, данное товарищу Сталину, выполнено. Накануне вечером уложен последний кубометр бетона.

Теперь началась борьба за досрочное окончание всех монтажных работ.

А. ШЕИНИ, корреспондент «Литературной газеты»

ВОЛГО-ДОН, Красноармейский строительный район

Не раз за послевоенные годы мы читали о том, как, сойдя с поезда на полустанке, с легким чемоданчиком в руке, фронтвик идет родными местами к себе в колхоз, как встречает этот фронтвик своих односельчан и заново знакомится с ними, узнавая в бойком и работящем паренке недавнего ребенка, в знатной стхановке полей — вчерашнюю девочку со смешной косячкой.

Казаось бы, что нового можно сказать по этому поводу?

И все же автор романа «Ветер золотой долины» Айбек в начальной главе, рисуящей возвращение Уткума с фронта, заново творит поэзию возвращенца, поэзию счастливой встречи с родным краем, заставляя читателя, много раз читавшего о подобных нецах, волноваться, радоваться, любить героя и его землю чуть не до слез. Секрет такого обновления уже известного сюжета заключается не в пышной метафоритике или экзотике изображения. Этот секрет — в новой глубине, с какой писатель проникает в изображаемое явление, в новой перспективе его развития, какую он открывает, в новом большом волнении, какое сам он при этом переживает. Сила возвращенца Уткума и встречи бывшего солдата с Джурбаем — осперенным сынникой уютного на войне сельского кузнеца — раскрывает и большое волнение автора и большую перспективу развития характеров: солдата, до глубины души осознавшего свою ответственность за счастье родины; мальчика, обретшего зрелое достоинство полноценного общества человека в испытаниях раннего горя и трудового выхода в жизнь. Первая глава нового романа Айбека звучит, как сильное и вместе нежное музыкальноеступление в драматическое действе, и читатель с нетерпением ждет, какие по-новому поэтически осмысленные явления жизни развернутся за рубежом первой главы.

Читатель вправе ожидать многого от романа Айбека, посвященного богатой теме послевоенного развития узбекского колхозного общества. В этой теме можно и должно отразить яркий укус нашей действительности, формирование и рост характеров замечательных советских людей, проходивших в краткий отрезок времени путь перекота во всех юных работничков полей до прощальных на всю страну новаторов, мастеров высокого урожая.

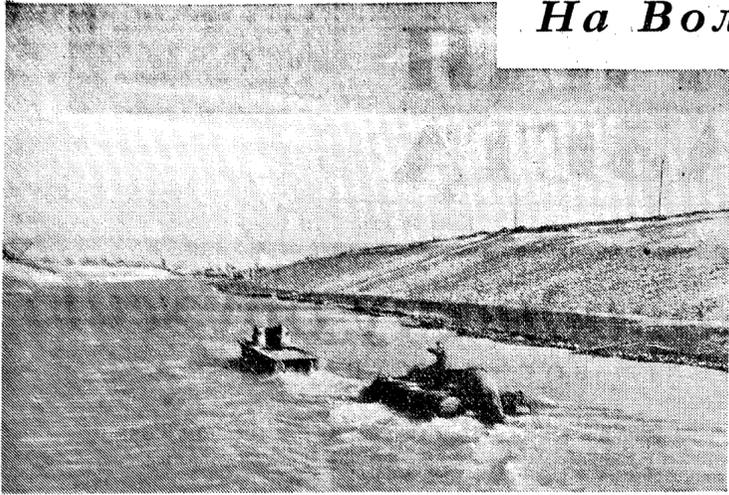
И читатель действительно находит в книге немало интересного, живого. Вот лирическая сцена ночного полива хлопка, сцена, в которой духи героини повествования Тансык, Анархан, Какимы открываются для осознанной по-новому красоты родной природы. Природа для них не только объект восторженного созерцания, а поле приложения вдохновенного труда, в котором ярче, чем в восторженных одах, проявляется любовь к родной земле.

Вот эскиз, написанный теплыми красками эскиз юной красавицы Какимы, ее горячего взгляда, длинных кос, ослепительной улыбки, яркого цветастого платья, гордой походки на коне. И едва ли не главный компонент красоты этой девушки — ее сильный характер, упорная воля, сделавшие ее председателем главного колхоза «Зябдаб».

Нли еще набросок, уже совсем беглый, но сделанный уверенной рукой, вложенный в каждую из немногих его черт: пятидесятилетняя высокая и красивая колхозница тетунка Халица, некогда в числе первых женщин — активисток Ферганы — сбросившая паранджу и открывшая «свои смелые, прямые, как стрелы, брови над прямым носом, свои узкие, неумолимые глаза».

А вот картины совсем иного наполнения. Сатирическая написанная, с гротескными фигурами, история о том, как колхозники, повинувшиеся старым обычаям, чуть было не прощалили свою дочь, переловую ударину полей Тансык за хитрого Бакиджана, сына базарного торговца Аширмата. Омор этой истории несколько средин спектру юмору «Весны в Сагене» Г. Гулна. Он заложен в самой природе сходного материала, раскрывающего бессилие пережитков прошлого перед победной поступью новой жизни.

Айбек, «Ветер золотой долины». Роман. Гос. изд-во УзССР, Ташкент, 1951. 423 стр.

ВОЛГОДОНСТРОЙ. Шестикилометровый участок судосудного канала от Дона до 13-го пллза заполнен водой. На снимке: готовый участок канала.

Фото С. КРОПИННИКОВА

Битва с пустыней

Семнадцать лет тому назад в безлюдной пустыне Кара-Кумы мне пришлось исследовать Узбой — безжизненное русло древней реки. Девяносто дней шел наш караван по безлюдной пустыне. Однако мы не чувствовали себя ни одиоками, ни заброшенными. Страна поставила перед нами большую задачу: решить вопрос о происхождении и строении Узбоя, о возможности использования этого древнего русла для создания грандиозной орошительной системы.

А. КЕСЬ, старший научный сотрудник Института географии Академии наук СССР

Все мы находимся тоже на передовой линии, только не фронта войны, а фронта мира... «Не фронт войны, а фронт мира»... Задумался я над этим со поставленном. Ведь действительно, Узбой является не только давней мечтой о лучшем будущем, он не раз становился и фронтом.

Русские экспедиции ученых не раз изучали Узбой и неизменно встречали со стороны масс свободолюбивого туркменского народа самое радушное отношение. Народ надеялся, что осуществится орошаемое стремление — вдохнуть жизнь в выжженную пустыню.

Создание среднеазиатских советских республик пришлось не по вкусу английскому империализму. Англия прилагала немало усилий, тратила огромные средства на поддержку националистической реакции, на содержание полных басмаческих бан. Коннице молодой Красной Армии приходилось на Узбоя и Сары-Камыш бороться с армиями Джунд-хана, снабженными новейшим английским оружием.

Еще в 1929 году изучавший Кара-Кумы Б. А. Федорович получил задание Академии наук СССР обследовать Сары-Камыш и Узбой. Он прошел Сары-Камыш и введу видел следы недавних сражений, а на Узбоя и совсем не смог пропикнуть: здесь в это время шла орошаемая Кара-Кумов от новых, засланных Англией басмаческих шайк.

Когда в 1934 г. мы с Б. А. Федоровичем работали на Узбоя, нам снова довелось увидеть следы этого «тайного» фронта, следы борьбы империализма с молодой советской страной. Остатки брошенного басмачами вооружения носили слишком явные английские клейма.

Вот и вчер в одной из песчаных котловин увидели мы несколько гильз. Наш караван-бани молчаливый колхозник Кутун-Ага, натупав, поднял одну из гильз, внимательно осмотрел ее. Загоревшее лицо его еще больше потемнело. Кутун-Ага со злобостью швырнул гильзу и сказал: — Англиские подарили! Вот чем англичане угощали туркменский народ. Смерть несли они на нашу землю. Мало ли было Индия, мало того, что душат афганцев и иранцев, нас хотели задушить...

Сказав это, наш проводник умолк. Но потом встряхнул головой, словно отгоняя прочь тяжкие воспоминания, и снова заговорил:

— Войны хотели, но это не удалось. Совсем покинули с нами наши советские конники. Теперь бандиты не сунутся сюда. Не война, а мир. И я, колхозник Кутун-Ага, веду ученых людей по пескам, мы все разыщем, все сделаем, чтобы канал потек и дал жизнь пустыне, принес много, много богатства народу...

Все мы, работающие в пустыне, будь то ученые или колхозники, буровики или строители, живем общими чувствами, общими желаниями, общими стремлениями: побольше вложить в это детине мира, в этот плод мирного созидания.

Каждый вечер, когда кара-кумское небо покрывается крупными звездами, а в воздухе наполняется прохлада, за чаепитием, у костра вновь и вновь возникает беседа — чаще всего не о прошлом, а о будущем, о том прекрасном и очень близком будущем, которое уже почти осязаемо.

Мы старались жемом скорейшего осуществления этой великой стройки коммунизма. В огнях Тахта-Ташской гидростанции, в цветущих хлопковых полях, в плодородных садах и виноградниках, которые разрастались по берегам каналов, — символ могущества нашей Родины, оплот мира во всем мире. Вот почему мы, участники научных изысканий на передовой линии стройки, стараемся не терять зря ни одного часа, ни одной минуты, чтобы быстрее завершить подготовку к строительству.

Да, создание того, что ты являешься одним из участников этого величайшего в истории строительства, направленного на преобразование природы, на процветание жизни, вдохновляет всех, кто работает сейчас в пустыне.

Нельзя сравнить ни нынешних темпов, ни масштаба, ни глубины исследований с теми, что велись семнадцать лет назад. В эти дни, когда все прогрессивные люди земного шара подписывают Обращение к заключению Пакта Мира, мы работаем еще более вдохновенно и с огромной энергией. Каждый стремится трудом своим показать, что он реально сделал для торжества мира и прекрасного будущего великой страны социализма.

ПУСТИНЯ КАРА-КУМЫ, колодец Бала-Ишем

Перестроить работу творческих секций!

НА СОБРАНИИ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Большой разговор о творческих секциях Союза советских писателей начался давно. Еще летом В. Ковалевский и А. Фадеев в своих статьях, напечатанных в «Литературной газете», подняли вопрос о недостатках работы секций, о причинах их неактивности и указывали на необходимость коренной перестройки их деятельности. Статьи вызвали живой отклик в литературной среде. Секретариат ЦСШ обсудил их, подготовил проект нового положения о творческих секциях и решил выпустить его на обсуждение и утверждение писательской общественности.

С этой целью и было созвано 12 ноября общесекционное собрание писателей. Оно объединяло к этому собранию с живыми интересами — зал Центрального дома литераторов был переполнен. Аудитория внимательно прослушала доклад исполняющего обязанности генерального секретаря ЦСШ СССР А. Суркова, проанализировавшего основные причины угасания активности в деятельности секций и превращения их в «контингент», где уныло и однообразно протекает «плохо» подготовленные обсуждения. Призвала вину секретариата ЦСШ, который, имея спад общественного интереса к работе секций, ничего не сделал для поднятия их авторитета. А. Сурков подчеркнул вместе с тем, что секции и сами повинны во многом. В секциях не была создана атмосфера принципиальной критики и самокритики, на основе которой обсуждались бы значительные явления литературной жизни; все еще процветали приличные отношения, приводившие подчас к грубым идейно-эстетическим ошибкам в оценках произведений, что, разумеется, не приносило пользы ни авторам, ни секциям. Пример тому — пьеса К. Фиппа, расхваленная в секции драматургов и получившая резко отрицательную

оценку в печати. Должно попытаться демократичнее — непременно обсуждать каждую приложенную рукопись, независимо от ее литературной значимости, — часто мешала бюро секций организовать живые творческие споры о явных общественно-интересных.

Надо создать такие условия, — говорил А. Сурков, — при которых писатель будет не победителем, а стремиться вынести свое произведение на суд товарищей. Только это и наполнит работу секций живым творческим содержанием. Необходимо, чтобы и бюро секций набирались люди, испытывающие пристрастие к этой работе, а не «спондеонгузасты», которые любят не столько работать, сколько числиться в различных бюро, президиумах, коллегиях и ничего в них не делают. Нельзя недооценивать организационные вопросы: хорошая работа бюро секции, способной разрабатывать интересный план и правильно его реализовать, обесценит и авторитет секции; он приобретает не присутствие на собрании дежурного «свадебного генерала» из бюро секретариата, а творческой атмосферы, живой заинтересованностью в работе, сознанием личной ответственности за общественное дело.

О преращении секций в центр открытого дискуссионного, в творческой лаборатория писателя, где новые значительные произведения обсуждаются на основе строгой, нелицеприятной критики, говорил И. Опанкин и П. Богданов. Это и первую очередь перестроить их утраченный авторитет. И. Гарича заострил внимание на необходимости четкого плана работы каждой секции

и учета творческой деятельности: всех ее членов.

Затем выступил Конст. Фелин. — Мне кажется, — сказал Конст. Фелин, — что самый существенный из наших недочетов это отсутствие настоящего интереса к писательской работе, которую я считаю главной в нашей организации. В этой писательской работе — основное наше призвание потому, что здесь идет живая работа о рукописи, о литературе. Мы немало говорим о том, что на заседаниях секций блистательно отсутствуют писатели «первого ранга». В этом «ранге» состоят не только старые писатели, но и молодые. Но многие наши молодые литераторы, поощренные интересом и признанием читателей, часто уклоняются от общественной работы, не выполняют ее с тем сознанием ответственности, с каким должны выходящих. Некоторые из них подгадывают: зачем ходить на собрания секций, это же еще одна невольная дань! Кроме самого главного, без чего нельзя жить в литературе, — настоящего, живого творческого обмена опытом, мы должны сказать друг другу: вот это у тебя хорошо, а вот это плохо. И ради одного этого стоит работать в секциях. Те писатели, которые подходят к своей общественной работе с эдаким унылым практицизмом, перестали уважать самих себя и свой труд. Если мы не хотим говорить о том, что такое литература, что такое искусство, что такое поэзия и что непозитивно, неинтересно думать о том, каковы их задачи писате-

лей, то едва ли они знают, почему отдадут свою жизнь этому делу, а не какому-нибудь другому. Я говорю это не в защиту секретариата, который, конечно, обязан руководить секциями. Но претензии, которые секции предъявляют секретариату, справедливы лишь отчасти. Авторитет секции складывается прежде всего самим людьми, работающими в ней. Ее влияние только в том, чтобы заключать договоры с писателями на издание их произведений, — это дело издательства. Влияние же секции на издательство нужно добывать. А добиться его можно только тогда, когда секция превратится на группы товарищей, занимающихся по долгу избранной кастиме, буржуазными делами, в кворум писателей, чувствующих, что они выполняют свой первоочередной общественный долг.

В преннях приняли участие также И. Богданов, Р. Баумволь, П. Бауков, В. Захарченко, П. Скуряков и другие. К сожалению, далеко не все выступления были так принципиальными и проникновенными заботой о советской литературе, как выступления Конст. Фелина. Многие писатели, обладавшие опытом работы в секциях, не приняли участия в обсуждении вопроса. В преннях было высказано мало деловых, конкретных предложений, которые свидетельствовали бы о серьезных поисках новых форм и методов общественной работы. В результате большой и важный разговор не получил должного развития. Надо полагать, что он будет продолжен в ближайшее время — на собраниях, которые будут посвящены выборам новых бюро секций.

Собрание московских писателей утвердило новое положение, определяющее основные задачи, структуру и формы работы творческих секций.

Е. ПЕЛЬСОН

Осенние красным знаменем

М. СЛОНМСКИЙ

Новый роман А. Калинин «Красное знамя» ведет нас на юг, к Дону, к Волге, по полям сражений Великой Отечественной войны. Время действия: 1942—1943 годы. Тема романа, выраженная в названии его, скупо и живописно раскрыта в картине кавалерийской атаки: «Из группы закованных в броню всадников выдвинулся один верхом на серой крупной лошади. Над ним развевался и запылавший, осенняя скачущих кубанцев, шару красного шелка. Лошадь неустанно шархулась под всадником, поцелала его вперед, косясь на огонь знамени. Мягко колыхаясь на скаку лошади, оно подало над полем, висевшая с древка тяжелыми складками и свывая к себе кавалеристов. Они тесно окружили знамя, зацеливая его своими телами». Знаменосец падает, раненый, но его товарищи подхватывают знамя, и оно вновь реет над бойцами. Так переходит знамя из рук в руки. В конце романа Красное знамя победоносно взвывает над колоннами наступающих наших войск: «Верхний угол его арко и молодо освещается солнцем, запылает, а из оставшихся темнотворным, сохранявшим в своих складках суровость».

В этом глубоко поэтическом произведении образ Красного знамени — символ глубокой верности народа идеям большевизма. Битва А. Калинин говорит о том, как объединялись советские люди для отпора врагу в борьбе за Красное знамя, за власть Советов, за счастье народа, за коммунизм. В романе широко представлены бойцы, офицеры, политработники, генералы нашей армии. Бойцы Андрей Рубцов и Петр Середя, офицеры Батурина и Луговой и другие герои — верные сыны народа.

Автор развертывает картины народного сопротивления. Под поном оккупантов продолжает самоотверженную борьбу отец Андрея Рубцова — Тимофей Тимофеевич. Сестра Луговой Аина выполняет задание подпольного большевистского комитета. Табуница Чакан спасает колхозных коней от фашистов. В один фронт борьбы встанут отец и сын и совсем до того незнаком друг с другом люди. Когда генерал Милованов впервые встречается с комиссаром Уваловым, совместное решение дела сближает их, озаряет «двух разных людей общим взглядом на жизнь». Тема морально-политического единства советского народа отчетливо выражена Калинин в богатой дружбе многих героев произведения.

Язык романа богат, ярок и самобытен. «Тяжеловатой красотой», по слову автора, отмечены герои — «донские степи».

А. Калинин, «Красное знамя», Роман. «Молодая гвардия», 1951 г. 480 стр.

«Красное знамя» свидетельствует об идейном и художественном росте автора. Тем досадней весьма серьезные недостатки романа.

Хотя изображение большевистского подполья в тылу врага композиционно не находится в центре произведения, оно уже по самой значительности материала требовало большего внимания от автора. Секретарь обкома, организующий борьбу в подполье, появившись в первых главах, почти совсем исчезает потом со страниц книги. Павел Щербинин, посланный в кондатор для организации сопротивления, предстает перед читателями, как честный человек, не поворотившийся врагам, но не обрисован, как большевик-организатор. Автор не показал те черты, которые нужны для образа, задуманного им, и разрушил собственный свой замысел. За пределами изображенного остался и побег военнопленных, организованный, как сказано, Павлом. Мы только мельком узнаем, что побег удался и что при этом погиб лучший друг Павла — детучик Никулин, который, кстати, изображен ярче, чем Павел, в него больше верить. Действительно подпольщики Аины, работающей в качестве переводчицы в стане врага, тоже не разверзута в романе. А. Калинин не оценил значения этой линии в своем произведении. В плане изображения большевистского подполья роман явно недописан и недоработан, что наносит большой ущерб впечатлению от произведения в целом.

Роман «недостроен». Автор не до конца соединил отдельные линии своего многопланового произведения, и судьбы людей развиваются подчас как бы отдельно друг от друга, связанные единой темой, но не связанные единым сюжетом. Это же чувствуется и при изображении разных фронтов войны. Некоторые эпизоды нечетко мотивированы и обрисованы. Такова, например, сцена, в которой генерал Рожков со своими кавалеристами попадает в окружение.

При общем богатстве языка, при подчас отличной словесной живописи автор допускает все же неожиданные промахи, вроде: «в разворах со стариком быстрее побежала дорога». Редко, но встречаются выходящие из общего стиля банальности.

Горячо прошло недавно обсуждение романа на межобластной творческой конференции в Ростове. Много внимания было посвящено недостаткам книги, о них говорилось резко и прямо, так, как надлежит, когда речь идет о произведении талантливого, своеобразного, которое хочется видеть еще более зрелым и сильным.

Подполковник П. КОРЗИНКИН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В К Р Ы М У

АЛЬМАНАХ «КРЫМ»

Седьмой номер альманаха «Крым» открываете статьи, посвященные памяти Петра Андреевича Павлиленко. В альманахе напечатано новое произведение С. Сергеева-Ценского «Утренняя звезда» — десятая часть эпопеи «Преображение России». В повести показывается нарастающее революционное движение в царском флоте накануне Великого Октября.

Большой интерес представляют записки начальника Главного управления строительства Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов А. Бочкина «У истоков великой стройки».

Вопрос писательского мастерства посвящена статья В. Земного «Горький учит».

«ПИСАТЕЛИ И ЖИЗНЬ»

Состоялось открытое партийное собрание Крымского отделения Союза советских писателей, посвященное обсуждению статьи Нат. Соколовой «Писатели и жизнь», опубликованной в «Литературной газете» 20 сентября 1951 г.

Собрание отметило, что статья правильно вскрывает серьезные недостатки в творчестве крымских писателей. Литераторы Крыма еще не создали хороших очерков, рассказов, повестей, пьес о Северо-Крымском канале. «Дневник великой стройки» на страницах альманаха «Крым» носит пока информационный характер. О недостатках внимания отделения Союза писателей к строительству канала говорит и тот факт, что из 14 творческих командировок этого года на строительство была только одна. Писатели ни разу не обсуждали то, что написано, о канале.

Партийное собрание приняло решение, направленное на улучшение творческой работы в Крымском отделении писателей.

ПЛАН НА 1952 ГОД

Общественность Крыма приняла активное участие в обсуждении плана областного издательства на 1952 год. Представители партийных и комсомольских организаций, филиала Академии наук СССР, институтов и школ внесли много ценных предложений.

План на будущий год значительно расширен. Предполагается выпустить серию брошюр о Северо-Крымском канале, о переломном опыте в промышленности и сельском хозяйстве, а также по вопросам агропропаганды, мелиорации, краеведения.

Названо издание трехтомника крымских произведений П. А. Павлиленко. И. Козлов перерабатывает свои книги «В крымском подполье» и «В городе русской славы», которые войдут в один том. Писатель Е. Поповкин дал заявку на повесть «Строители», посвященную Южно-Украинскому и Северо-Крымскому каналам. Дм. Холендр собрал материал для повести о молодых рыбаках — «Хозвея моря». Готовится к изданию книга стихов Севастопольского инженера-строителя В. Юрьева.

«ЯНКИ В ГЕРМАНИИ»

Под таким заголовком областное издательство выпустило записки военного журналиста М. Озерова, который несколько лет пробыл в послевоенной Германии и имел возможность наблюдать нравы американской военщины.

Автор рассказывает о колонизаторских приемах американских бизнесменов, об их стремлении превратить Западную Германию в плацдарм для новой мировой войны. В книге собрано много фактов, разоблачающих пресловутую «американскую демократию». Вместе с тем записки показывают рост демократических сил немецкого народа, рост хозяйственных и культурных успехов Германской Демократической Республики.

А. УЛЬЯНОВА, корреспондент «Литературной газеты».

СИМФЕРОПОЛЬ. (По телефону)

Повесть о военном корреспонденте

А. МАКАРОВ

Наша литература в большом долгу перед рядовыми «труженниками пера» — корреспондентами и работниками наших газет, — перед теми, кто самоотверженно работал в годы Отечественной войны и сейчас участвует своим пером и трудами народа, строящего коммунизм.

Люди, работающие в нашей советской печати, — люди большой завидной судьбы. Корреспондент улавливает в народной жизни достойный подражания пример и делает его достойным мемуаров.

Поистине почетная профессия!

Вот почему с таким чувством встречаешь повесть ростовского писателя А. Гончарова «Наш корреспондент», в которой автор попытался создать правдивый образ военного корреспондента, рядового бойца армии советской печати. В «Литературной газете» (№ 103) уже говорилось об этой повести в обзоре альманаха «Дон». Однако оценка во многом еще незрелой повести, данная автором обзора К. Лапкин, на мой взгляд, несколько поверхностна и не во всем справедлива. За недостатками произведения автор обзора не разглядел одаренности молодого писателя, его нераскрытых возможностей.

«Наш корреспондент» — повесть полемика. Полемика по отношению к установившейся «традиции» изображения профессии журналиста в ироническом плане. Но ее достоинство в том, что автор поднимает не путем деклараций, а средствами художественного изображения, реалистического показа работы фронтового корреспондента.

В центре повести — образ сотрудника фронтового отдела армейской газеты Михаила Сергина. Просто и очень душевно описывает автор мету молодого журналиста выступить в газете с очерком о бойцах, его первые позски на передовую линию, переживания, связанные с пребыванием в окопах, его творческое волнение, трудности, возникающие в процессе работы. И нельзя от всего сердца не порадоваться первым успехам героя в его стремлении вложить свою долю в дело победы. Все, что связано непосредственно с профессией Сергина, описано с такой любовью и пониманием дела, что читатель проникается симпатией к «труженнику пера», чей труд любому труду родственен.

А. Гончаров знает работу в газете; описан редакционный процесс, часто профессиональные черты в характере сотрудника — редактора, ответственного секретаря, метранпажа, машинистки — верно и убедительно. Можно с полным правом сказать, что все его герои, начиная от корреспондента Сергина, включая редактора Волы Волки, обрисованы точным пером.

Б сожалению, автор повести, увлекшись изображением процесса становления профессионала-журналиста, все свое внимание уделит именно профессиональной стороне. Образ героя поэтому получился односторонним. Очень узок круг мыслей Сергина, связанных исключительно с редакционными заданиями и первой юношеской любовью. Молодой корреспондент искусственно лишен автором больших пестрых событий.

А. Гончаров, «Наш корреспондент». Повесть. Ростовское областное издательство. Ростов-на-Дону, 1951 г. 137 стр.

реживаний, связанных с тревогой за судьбы Родины, искусственно замкнут только в круге своих служебных обязанностей. То же самое можно сказать и о других героях повести.

Оттого в изображении А. Гончарова и действия армии, оборонявшей предгорья Кавказа осенью 1942 года, выглядят буднично. Читатель не ощущает, что мелкие операции, в которых участвует герой, — часть огромного плана решающего контрнаступления на врага. Автор все время ограничен кругозором своего героя, его профессиональными интересами. Но когда Л. Н. Толстой послал своего Пьера Безухова в самую гущу военных событий, это нужно было ему не для того, чтобы засвидетельствовать храбрость своего героя, но для того, чтобы показать мощь событий и духовный рост героя в ходе этих событий. В повести А. Гончарова величие и масштабность событий не оказывают заметного влияния на духовное развитие героя.

Вторая половина повести кажется скучноватой. Повесть на глазах как бы превращается в затянутый рассказ, и происходит это именно потому, что главный герой только претерпевает все новые и новые испытания, но эти испытания ничего не прибавляют к тому его облику, который уже сформировался по первой половине. Общая картина положения на фронте еще более мучает. Создается впечатление, что особой разницы между обороной и наступлением нет, что война идет на очень небольшом участке силами небольших подразделений.

В этом основной недостаток повести А. Гончарова. Объясняется он во многом писательской неопытностью молодого автора. В повести намечен ряд фигур офицеров и солдат, попадавших в орбиту зрения Сергина (лейтенант Ефанов, разведчик Донцов), но автор никак не использует их для развития сюжета. Развитие этих образов, их ввод в действие могли бы сыграть решающую роль в показе общей обстановки на фронте и в более глубоком раскрытии внутреннего мира самого Сергина.

Под последними строками повести стоит общедоступный «конек первой части». Надо надеяться, что во второй части автор сумеет показать то, что еще не удалось ему в первой; надо надеяться, что простое называние все новых и новых поездок героя заменится рассказом о его духовном возмужании, а описание мелких стечек уступит место широкой картине боевых действий.

А. Гончаров хорошо знает и горячо любит материал, о котором пишет. Непринуженный и образный язык повести, точность художественной детали — все это хорошие качества, свидетельствующие об одаренности автора.

Сколько раз, например, мы читали о картонке любимой, хранившейся у бойца! Но когда узнаешь, что у наладчика Васи Шестибратченко в левом кармане гимнастерки лежала фотография, снятая на память в день объявления войны, — «милловидное женское лицо с круглыми серыми глазами, в которых застыли недоумение и обида», то примелькавшаяся в литературе фотография оставшейся в тылу любимой оживает и волнует. И правильно найдена автором интонация повествования: плавно, спокойной, осененной хорошей улыбкой. Хочется верить, что пишущий свою первую повесть А. Гончаров успешно продолжит работу, заслуживающую большого внимания.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

НОВОЕ СЛОВО О «СЛОВЕ...»

Полтора столетия бьются ученые над выяснением личности автора величайшего памятника русской литературы XII века — «Слова о полку Игореве». По этому вопросу уже существует богатая литература. Но до самых последних дней никому не удавалось разрешить эту интереснейшую проблему.

Однако вчера она была решена. В статье П. Иванова «В защиту героя народного эпоса» («Советское искусство» № 91 от 14 ноября) утверждается:

«Безвестный Боян на тысячелетия прославил патристический подвиг князя Игоря и его воинов».

Это утверждение странным образом вытекает со «Словом о полку Игореве». Вот что говорится в первых же строках этого гениального произведения:

«Начати же ся ть песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояно. Боян бо вещей, аше кому хотше песь творити, то растекашеть мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы».

Боян не мог прославить Игоря и его воинов по той простой причине, что сам он, Боян, как, основываясь на тексте «Слова», утверждают исследователи, жил примерно за сто лет до событий, описанных в «Слове о полку Игореве». Не Боян прославил Игоря, а безвестный автор «Слова о полку Игореве» впервые поведал миру о жизни и творчестве Бояна.

Подполковник П. КОРЗИНКИН

О творчестве поэтов Юга

Н. ГРИБАЧЕВ

Недавно закончившая свою работу конференция писателей Юга проходила в атмосфере нелицеприятной критики и самокритики. Характерная черта конференции состоит в том, что писателям Юга были предъявлены серьезные требования по счету большой единой советской литературы, без скидки на периферийность. Если нельзя даже и мысли допустить, чтобы, скажем, металлургия и колхозники Юга могли походить на замедленные темпами или давать продукцию более низкого качества, то почему бы могли позволить себе нечто подобное писатели Юга? Конечно, Москва, столица нашего Советского государства, располагает более значительными литературными силами, нежели какая-либо область или край. Но ведь это передовой и наиболее многочисленный отряд советских писателей, естественно, формируется и пользуется в своем большинстве за счет областей и краевых писательских организаций.

М. Шолохов — земляк ростовских писателей. А Твардовский и М. Исаковский — воспитанники смоленской литературной организации. А Софроньев, В. Захарькин, М. Соколов — ростовчане. А Первонцев и С. Бабарский — кубанцы. Е. Поповкин — крымчанин, М. Бубенин — из Павловки.

И если это так, то могут ли писатели, независимо от того, в каком издательстве выходят их книги, оказывать требования к самим себе и друг к другу?

Не могут, потому что это им не присуще самым главным судьям и критикам нашей литературы — советский народ, не могут, потому что в этом случае сами писатели неизбежно останутся от жизни.

Если конференция писателей Юга, помимо практической помощи литераторам, способствовала развитию критики и самокритики, повышению ответственности каждого писателя за свое творчество и творчество своих товарищей, можно считать, что конференция оправдала себя.

Партия создала все условия для развития нашей поэзии, подлинно социалистической народной поэзии. Задача наших поэтов —

отвечать творческой работой, об идейной полноте творчества некоторых произведений А. Гарнакерьяна. Это относится прежде всего к таким стихам поэта, как «Дон», к стихам об Армении и многим лирическим стихотворениям.

Есть поэты, которые пишут о нашем сегодня и через дела сегодняшние показывают наше будущее. Эти поэты видят события и судьбы сегодняшнего дня в их продолжении и развитии, черпают образы и сравнения, метафоры и эпитеты из действительности, видят жизнь глазами современника. Поэтому их творчество по содержанию и по форме является новаторским и прогрессивным.

С другой стороны, у нас есть поэты, которые также берут для своих произведений сегодняшние темы и события, но взгляд их обращен при этом не вперед, в будущее, а назад, в прошлое. У таких поэтов чаще всего фигурируют «туманы», «золото», «ивы», «конские гривы над трубами паровозов» и прочие принадлежности условной, далекой от жизни поэзии. На стихах этих поэтов лежит печать познания эмпиризма, духовной ограниченности, музейной пыли. Кажется, будто эти люди движутся странным и пошлым способом, с повернутой назад головой.

Временами таким именно способом пытаются продвигаться вперед и А. Гарнакерьян. Верно ли, что в 1949 году, когда писалось стихотворение «Дон», на Дону царил атакое идеальное спокойствие, с арбузным парством, плавающими пнями и шедшим ветром молодой? Безусловно, нет. Уже тогда шли изыскания на трассе Волго-Донского канала. Уже тогда творились советскими людьми новые, славы дела. Дон же в изображении А. Гарнакерьяна по своей внутренности среднее Украины и стихотворения В. Сосуря «Люби Украину». Критик М. Андросов назвал это стихотворение беспредметным, а его назвал бы апошечным, формально-рутинским.

Цикл «Дон» открывается стихотворением «Мельница». В нем в качестве элемента вечной жизни воспеваются крылья ветряной мельницы. Но для современного сельского пейзажа все более характерны

стихи о Волго-Доне, несмотря на прекрасную тему.

Недостатки творчества А. Гарнакерьяна характерны и для некоторых других поэтов, произведений которых обсуждались на конференции. Печально выжили и схематичности отмечены стихи И. Михайлова и Н. Обзадовой (Таганрог). Печать литературщины и слащавой изысканности лежит на стихах молодого ростовского поэта И. Грудева. За крайнюю поверхностность в сочетании с бедностью языка подверглись критике произведения В. Земного и М. Сидоренко.

Можно отметить успешную работу молодого крымского поэта Н. Гривачева. Его творчеству также присущи многие недостатки, но в то же время видна упорная, кропотливая работа поэта над осмыслением фактов действительности, над образом и словом.

Литературные группы Ростова работают недостаточно организованно. Некоторым из них не хватает квалифицированного руководства. Большие задачи в воспитании молодых поэтов стоят перед местной поэзией. К сожалению, иногда вместо статей, раскрывающих посредством объективной и профессионально-квалификационной критики, появляющиеся статьи, которые только вносят сумбур в литературную жизнь писательской организации, дезориентируют молодых авторов. Только так можно расширить рецензию В. Вондрякина в газете «Молод» на стихи, напечатанные в альманахе «Дон» № 2. Пережитки ридовщины, голого социологизма несут от этой статьи. Только нетребовательностью и неуменем автора разобраться в современной поэзии можно объяснить высказанные похвалы поэтам М. Сидоренко и Д. Бугуенко, интересным по теме, но написанным на низком художественном уровне. И только критическим путем можно объяснить безответственные и ничем не мотивированные выпады против молодого, но способного поэта Д. Должанского. Его творчеству присущи многие недостатки формы, но приписывать стихам поэта, опубликованным в альманахе «Дон», «серьезные идейные срывы», «извращенные действительности» — значит видеть то, чего нет.

С другой стороны, хвалят стихи действительно способного молодого поэта К. Бобошко только за актуальное содержание и не указывают ему на примитивизм многих строк, на необходимость серьезной учебной и более кропотливой работы над языком, — значит должно ориентировать молодого автора, такого рода критика приносит не пользу, а вред литературе.

Поэты Юга составляют большой отряд советской литературы. Они уже добились многих успехов, имеют все возможности для дальнейшего роста. Но их творчество не свободное от многих недостатков. К числу главных следует отнести — примитивизм, неглубокое проникновение в жизнь, неуменье осмыслить события во всем их объеме и сложности, увидеть их продолжение и развитие в завтрашнем дне.

Тревожен факт, что о Волго-Донском канале, о великих стройках в поэзии Юга нет еще сколько-нибудь значительных и интересных произведений. Поэты частично с восторгом описывают эскадрильи и пловцы, но не создают образ строителей канала. Показ великих преобразований природы является экзаменом для всей писательской организации в целом и для каждого поэта в отдельности.

Большое внимание работе над языком, над образом, над формой! Нельзя брать современную тему и разрешать ее устаревшими поэтическими средствами. Кто к современному автомобилю пытался приладить колеса арбы, тот далеко не уедет!

Серьезным недостатком работы многих поэтов является схематичность и штампы. Горький признавал писателей учиться «слишком словом». Между тем, многие наши поэты еще пытаются познакомиться с серьезную работу над словом «таковыми» общими фраз и штампами. Но ведь в искусстве тысячи восклицаний «ура» не могут заменить одного живого образа! Мы должны самым беспощадным образом бороться против упрощенного понимания поэзии, требовать работы поэтической, а не рифмической.

Создание подлинно творческой атмосферы в писательских организациях Юга должно способствовать твердой уверенности каждого писателя в том, что с его работой придется по общему большому счету народа, строящего коммунистическое общество.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Ниже мы публикуем выступление в седьмой сессии Всемирного Совета Мира в Вене известного мексиканского общественного деятеля, вице-председателя Всемирной Федерации профсоюзов, председателя Конфедерации трудящихся Латинской Америки Ломбардо Толедано.

Пrestиж правительства США в глазах народов американского континента с каждым днем падает. Это прежде всего вызвано тем, что различные мероприятия экономического характера правительства Соединенных Штатов заставляют Латинскую Америку участвовать своими ресурсами и жертвами, присоединяясь к программам, в оплату плана вооружения США. Двусторонние соглашения торгового характера, которые проинспирированы «договорами о дружбе», являются фактически настоящих аннексовскими договорами.

Теперь я хотел бы перейти от экономического к другим аспектам международной жизни, которые также являются причиной упадка престижа правительства Соединенных Штатов и остро воспринимаются народами Латинской Америки.

Одним из факторов, глубоко оскорбляющих сознание народов Латинской Америки, является политическая дискриминация. Проводимая в США, она распространяется и на другие народы Западного полушария. Соединенные Штаты всегда были традиционной державой расовой дискриминации. Но в последнее время дискриминация охватила и негров. Гонения против негров охватили также штаты, которые ранее не испытывали этой трагедии. Расовая дискриминация проводилась всегда в южных штатах; теперь она распространилась и на северные штаты, бывшие ее исконными противниками. Преследованиям подвергаются негры и латиноамериканцы, проживающие в Соединенных Штатах. Что касается дискриминации по причине политических убеждений, то ограничение интеллектуальной жизни достигло предела.

Кампания политических преследований, ярким проявлением которой был процесс над руководителями американской коммунистической партии, организованный несколько месяцев тому назад, продолжается и поныне. Но два дня в день в США происходят случаи подобного же рода — преподавателей университетов, преподавателей начальных школ увольняют только за то, что они придерживались определенных принципов научного характера.

Много лет назад, в 1925 году, один профессор был уволен из американского университета за преподавание законов эволюции. Эта история вызвала огромный скандал во всем мире. Когда буря протеста утихла, все поверили, что это действительно исключительный случай, который никогда в жизни великой нации не повторится. Однако сегодня, по прострации четверти века, в Соединенных Штатах есть много фактов еще более чудовищного преследования.

Сотни людей бегут теперь из США, и не только потому, что они подвержены политическим гонениям; многие покидают свою страну потому, что не хотят продолжать жизнь в этом окружении, достойном XII или XIII века, но недостойном XX века.

Американская печать и радио ведут разнузданную и систематическую кампанию. Распространяются сообщения о международной жизни, с помощью которых правящие круги Соединенных Штатов стараются дезориентировать общественное мнение своей страны и государств Латинской Америки. Эта кампания носит иногда характер такой грубой пропаганды, что производит эффект, обратный тому, на который рассчитывает американское правительство.

Таким образом, даже не приводя других примеров, мы можем прийти к заключению, что никогда демократические свободы и права человека не нарушались в такой степени, в какой они нарушаются сегодня в США.

Эти факторы в своей совокупности, нанося удар престижу Вашингтонского правитель...

ительства, содействуют развитию сознания народов в пользу мира. В настоящее время в странах Латинской Америки сторонниками мира являются не только рабочие, но и огромные массы крестьян, преподаватели и другие группы населения. Кроме того, часть национальной буржуазии настроена антиимпериалистически. В этих кругах также распространяются мирные настроения, что имеет большое значение.

Говоря в общих чертах, государства Латинской Америки переживают сейчас период развития промышленности и постепенно превращаются из сельскохозяйственных стран и поставщиков сырья в индустриальные страны. Владельцы предприятий национальной промышленности, которые после войны рисовали себе блестящие перспективы развития своего дела, стали видеть жертвами экономического давленния, которое исходит от Соединенных Штатов. Монополии США не хотят индустриализации подполночных стран и стран Латинской Америки, которые путем развития национальной промышленности могут в один прекрасный день достигнуть полной независимости. Американские монополии хотят, чтобы государства Латинской Америки продлились и впрямь служили их экономическим интересам, чтобы страны — производители сырья покупали готовую продукцию только в США и являлись местом применения капиталов. Они не хотят освобождения народов Латинской Америки.

Вот причины, объясняющие недоброжелательное отношение некоторых слоев национальной буржуазии Латинской Америки к международной политике Белого дома.

Стронниками американской экспансионистской политики в странах Латинской Америки являются группы торговцев, которые растут и богатеют, навязывая на перевозках с севера на юг. Стронниками такой политики, естественно, являются также некоторые банкиры, причастные к этим делам.

Мы можем заявить, что сегодня число сторонников политики ягня не растет, а сокращается и в Соединенных Штатах и в странах Латинской Америки, сокращается как по экономическим и политическим причинам, так и по мотивам культурного характера.

С начала прошлого века европейская культура сформировала мысль и идеалы наших народов. Теперь стараются окончательно уничтожить культурные европейские традиции в Латинской Америке и заменить их типично североамериканскими концепциями.

Такова атмосфера, которой дышат сегодня на американском континенте. С одной стороны — преследования, давление, дискриминация и навязывание чуждой формы жизни, с другой стороны — сопротивление этому. Огромные силы объединяются для протеста, для того, чтобы отвергнуть североамериканскую империалистическую политику.

Это значит, что возможности борьбы за мир в Западном полушарии огромны. Однако движение в защиту мира в этом полушарии еще слабо. Если бы все, кто хочет мира, участвовали в этом движении, в странах Латинской Америки положение резко изменилось бы как с экономической, так и с политической точек зрения. Мы еще не нашли лучших путей для того, чтобы привлечь сторонников мира. Мы применяли методы, которые отражают наши проблемы слишком общо или абстрактно.

Защитить национальные интересы в каждой стране, которая страдает от давления североамериканского империализма, — это, на мой взгляд, верный и эффективный путь борьбы за мир. Нет никакого несоответствия между защитой национальных интересов и защитой международных интересов, когда идет борьба за собственную нацию, за ее существование, за ее прогресс, за ее независимость. В настоящее время это значит эффективно бороться за мир во всем мире.

История одной семьи

Однажды в редакцию прогрессивного римского журнала «Патрулья» пришло следующее письмо:

«Господин редактор! Я — вдова бывшего солдата; мой муж, инвалид войны, лишенный ног, умер 14 июня прошлого года, оставив меня одну, большую tuberculosis, с восьмью детьми. Я не имею хлеба для моих детей. В то же время правительство хотело бы развязать новую войну. После смерти мужа я до сих пор не получила пенсию. Единственное, чего мы хотим от правительства, — это чтобы оно как можно скорее занялось нашими насущными делами, ибо оно совсем нас обездолило... Прошу напечатать мое письмо».

Дженитта Джованна, вдова Петракки, улица Триполи, № 118, Баядино (Флоренция).

Через некоторое время после того, как письмо Джованни Дженитты было опубликовано, из дома № 118 по улице Триполи вышел итальянец — сборщик подписей, бережно сжимая в руке лист с текстом Обращения Всемирного Совета Мира. Под требованием о заключении Пакта Мира стояло девять подписей —

девять одинаковых фамилий с разными инициалами. Вот история этой семьи, подписавшей Обращение. Джованна Дженитта с детства узнала, что такое война, — она осталась сиротой после первой мировой войны. Джованна вышла замуж за инвалида войны, работавшего лакировщиком на фабрике Галимо.

Фашистские правители Италии втянули страну в новую войну. Бомба разрушила домик семьи Дженитты. Многие соседи погибли под бомбами.

Война принесла с собой голод, болезни. Сначала заболел tuberculosis муж Джованны, затем она сама. В прошлом году умер муж Джованни Дженитты. По закону правительство должно было установить вдове пенсию. Однако ее просила об этом до сих пор не рассмотрена — итальянское правительство в первую очередь рассматривает планы вооружения...

Удивительно ли, что сборщику подписей ничего не пришлось объяснять этой семье? И взрослые, и дети с радостью поставили свои имена под документом, который должен помешать поджигателям войны осуществить их кровавые планы.

Что скрывается за елейными речами г-на Ачесона

Наглая провокация журнала «Кольерс»

В Париже, в залах и кулуарах дворца на берегу Сены, где десятый день заседает Генеральная Ассамблея, чаще других, пожалуй, раздается слово мир. Троллейбус и весьма напыленно твердят о своей приверженности делу мира представители агрессивного американского ядра в ООН. Послушать их, так все помыслы гг. Ачесона, Остина, Дженсена направлены только к миру, а лучших, носятся они сами, приверженцы справедливости, гуманности и мира не слышны днем с огнем. На ту же тему, как известно, неумеренно распространяются в своих радиоречах и президент Соединенных Штатов.

По эти мирные призывы фальшивны с начала до конца. Дела Вашингтонских «миротворцев» говорят сами за себя. Это — агрессивный Северо-атлантический блок, это — густая сеть баз, опутавших весь земной шар; это — миллиардные ассигнования, выливающие силу в военную машину Уолл-стрит; это, наконец, бесчисленные поджигательские выступления генералов, конгрессменов и сенаторов; это, если хотите, и специальный «атомный» номер мормонского еженедельника «Кольерс» от 27 октября этого года, о котором мы собираемся рассказать. Он, а не так называемая тройственная декларация, является истинной программой г. Ачесона и его друзей.

Нельзя изобразить официальную политику США более откровенно, чем это сделал «Кольерс», нарисовавший своего рода «автопортрет» магнатов Уолл-стрит, мечтающих о мировом господстве. Издатель «Кольерс» — одного из самых распространяемых в США журналов — все 130 страниц указанного номера посвятил войне против Советского Союза.

Главное место на обложке занимает рисунок — карта Советского Союза и стран народной демократии. Поперек карты надписи: «Оккупированы». Под кружком, обозначающим Москву, другая надпись: «Штаб оккупационных войск». Над Москвой, а также над Украиной и Польшей развеваются флаги Организации Объединенных Наций. Видимо, новую мировую войну американские империалисты собираются развязать, по примеру нынешней военной интервенции США в Корею, также под флагом ООН. Провокаторы из «Кольерса» поместили на обложке своего журнала еще одну «деталь»: огромное изображение американского солдата с буквами «Эм Пи» («военная полиция»), надписью «Оккупационные войска», флагами США и ООН на шлеме. Так рисуют они наемников Уолл-стрит, убиц, оккупантов, истребителей женщин и детей.

О дикой, кровавой оргии мечтают поджигатели войны. На все лады они распыляют, как горла Советского Союза и стран народной демократии будут подвергнуты атомной бомбардировке и как затем, по следам атомных бомб, в эти страны вторгнутся американские оккупационные войска.

Поджигательский номер «Кольерса» не случайно вышел из печати накануне отъезда американской делегации на сессию Организации Объединенных Наций. Причем провокаторы из «Кольерса» сразу ставят точку над «и». Они хвастливо указывают, что этот номер был подготовлен при содействии «высокопоставленных официальных лиц в Вашингтоне». Кого, интересно в таком случае узнать, имели в виду редакторы «Кольерса»? Сами они об этом умолчали. Но ведь не секрет, как указал А. Я. Вышинский на сессии Генеральной Ассамблеи, что в США явные, тайные государственные деятели — президент, министры, сенаторы изо дня в день подстрекают к вражде к Советскому Союзу и странам народной демократии...

И не случайно американская пресса подняла на этот этот номер журнала, создав ему более шумную рекламу, чем «мирным» предложениям г. Ачесона и К^о. 24 октября в «Нью-Йорк таймс» появилось громадное, во всю страницу рекламное объявление, извещавшее о выходе в свет специального номера «Кольерса», посвященного атомной войне с СССР. «Насколько мы помним, — похвалялись

авторы объявления, — никому и никогда не удавалось еще произвести на свет шедевр журналистского мастерства, подобный этому номеру «Кольерса». Но, как видно, у дженсенистов из «Кольерса» короткая память. Ведь однажды уже выходила подобная «публикация», автором которой был Гитлер. Его «шедевр» назывался — «Моя борьба».

Правда, Гитлер писал о том, как он будет завоевывать и поработать другие страны, несколько иначе, чем это делает «Кольерс», и можно подумать, что редакторы журнала намеренно старались подчеркнуть эту разницу. Каким кровавым лодосудом ни был Гитлер, он все же не осмелился заранее расписывать массовые убийства и пытки, которым его молочники подвергли впоследствии миллионы мужчин, женщин и детей во многих странах. В этом смысле господа из журнала «Кольерс» превзошли гитлеровцев и поставили новый фашистский рекорд.

Кто же, однако, выступил в качестве авторов тех кровавых и мерзопакостных статей, которыми до отказа начин «специальный» номер «Кольерса»? Кто выступает идеологом политики силы, проповедующей г. Ачесоном, но очищенной от елей, щедро преподносимого государственным секретарем в его речах? Всего их двадцать. Есть тут сенаторы, есть растленные писатели, вроде Дж. Б. Пристли, очень много, наконец, продажных гангстеров пера, вроде Роберта Шервуда, Маргариты Хитгинс и других, есть профбюрократы, вроде Уолтера Рейтера, и присяжные «историки» Уолл-стрит, вроде Аллана Невинса, здесь и радиальный, бандит от журналистики Уолтер Уинчелл... Зловонный букет!

Посмотрим, что же написали они, все эти мистеры и миссис. «Военный аспект» аррсоров из «Кольерса» и их покровителей изложил редактор военного отдела газеты «Нью-Йорк таймс» Хансон Болдуин. Не стараясь несколько закамуфлировать свой наглый призыв к массовому истреблению гражданского населения, Болдуин объявляет, что атомные бомбы будут сброшены на «густо населенные центры России». Небезынтересно, что во время второй мировой войны этот самый Болдуин неоднократно приводил Гитлера в Москву — на бумаге, конечно, на страницах «Нью-Йорк таймс», поскольку иначе Гитлеру никак притти в Москву не удалось. Отнюдь не только свою личную точку зрения высказывает здесь Болдуин: ему открыт доступ даже к самым сокровенным замыслам и секретным планам Пентагона. А где Пентагон, там и государственный департамент.

Некий «романист» и порнограф Филип Уайли изготвил для номера статью, в которой пишет о том, как несколько сот тысяч рабов будет отправлено из Советского Союза на работу в США.

Старый Чейз, которого назвать «экономистом» можно только обладая очень большим чувством юмора, с серьезным видом пишет о том, что произойдет с советской промышленностью, когда Советский Союз будет оккупирован американской «военной полицией». Что же? А вот послушайте: принадлежащие трудящимся фабрики и заводы «можно будет продать частным предпринимателям», потирает руки прислушавший бизнесмен Чейз, поясняя, что значительная часть промышленных предприятий «немедленно будет передана иностранному (конечно, американскому!) — Д. И. капиталу». Нетрудно видеть, что здесь выражены самые сокровенные мечты миллиардеров.

В статье, принадлежащей перу редактора газеты «Криччен сайенс монтитор» Эрнста Банжама, всерьез объявляется, что, как только США оккупируют Советский Союз, среди русского народа начнется распространение специальных русских изданий журналов «Лайф», «Ридер дайджест», «Ньюсуик», «Кольерс» (уж конечно!), «Таймс» и «Сатердей внингтон пост». Самой характерной чертой этого списка является, пожалуй, то, что каждый названный в нем журнал, так же как «Кольерс», уже не один раз выступал с призывами к массовому истреблению советских женщин и детей.

Не менее важным средством «культурного возрождения», которое принесет американская оккупация, будет — после атомных бомб — бродвейская порнографическая постановка «Бездельники и женщины».

Нельзя с точностью сказать, чего в этих бредовых писаниях больше — свержидиотизма, глупости, доходящей до геркулесовых столбов, или хладнокровной наглости существ, павших до уровня зверей. Они даже не смогли придумать ничего оригинального, скопировав, с некоторыми правками, изменениями, то, что известно под именем гитлеровского «нового порядка». Изготовленный «Кольерсом» новый американский порядок так же кровав и дик, так же преступен и нацелен против народов. Димом пожара, кровью обездоленных и осиротевших, безмерным горем и жертвами, которым нет числа, невыносимым для каждого разумного человека смрадом несет от этого проекта линчевания свободлюбивых народов.

Советский читатель не ошибется, если подумает, что американский народ не относится равнодушно к хулиганской выходке поджигателей-дегенератов из журнала «Кольерс». Напротив, поджигательский номер «Кольерса» вызвал в США бурю протестов, причем не только в прогрессивных кругах, среди членов профсоюзов и борцов за мир, сопричастных ультра-стритовским планам новой войны.

Откровенно наглое оглашение на страницах «Кольерса» военно-политических планов, являемых правящими кругами США, вызвало резко отрицательную реакцию даже у многих консервативных печатных изданий в США, резко считающих, что подобная откровенность ни к чему хорошему поджигателей войны не приведет. Такая газета, как питтсбургская «Пост газет», отозвалась о «кольерсовском» прогнозе третьей мировой войны, как об «одном из самых безответственных журналистских выступлений, какие только можно припомнить».

Еженедельник «Нейшн», называя номер «Кольерса», посвященный атомной войне, «тошнотворной гнусностью», подчеркивает, что и в США, и в Западной Европе писания «Кольерса» справедливо будут восприняты, как новое «доказательство американской политики разжигания войны».

Провокаторы из «Кольерса» объединены общими интересами с банкирским домом Моргана. Они выступают от имени той малочисленной, но могущественной в Америке кучки лиц, которые хотят вернуть человечество в новую войну. Но, подчеркивает газета «Дейли уоркер», «совеще каждого американца, каждого члена профсоюза, верующего, семинария в Америке возмутится этим проектом линчевания народов». «Мы верим, — продолжает газета, — что редакторы «Кольерса» в скором времени смогут убедиться, что наш народ не разделяет их безумной жажды крови, что подлинная Америка хочет мира и дружбы с Советским Союзом и в первую очередь, успешного завершения переговоров о прекращении корейской войны». Статьи, напечатанные «Кольерсом», пишут в своем протесте Национальный совет работников науки, искусства и свободных профессий США, «нанесли большой ущерб делу мира и оскорбили американский народ».

Невелика цена елейным речам г. Ачесона, если в дни Генеральной Ассамблеи заправил Уолл-стрита устами журнала «Кольерс» требуют новых грандиозных грабежей и убийств. Нагло и откровенно призывают они к мировой войне, грозя людям смертью и уничтожением.

И то, что в мире есть силы, которые остановят зарвавшихся Вашингтонских провокаторов, и ни при каких обстоятельствах не дадут им осуществить их злодейские планы, и то, что мечты маньяков из «Кольерса» носят откровенно бредовый характер, не освободит поджигателей войны от ответственности за кровавые призывы к массовому истреблению человечества.

Джозеф КЛАРК
ПАРИЖ, 14 ноября. (По телеграфу)

РЕПОРТАЖ ИЗ ПАРИЖА

5. Первая неделя

Если попытаться подвести итог деятельности Генеральной Ассамблеи за первую неделю, то раньше всего следует сказать, что американские империалисты и на этой сессии с невероятным пыланием добиваются осуществления своего старого плана — плана превращения ООН из международной организации в простую палату, регистрирующую решения государственного департамента и Пентагона.

Особенно проявились их усилия при обсуждении повестки дня седьмой сессии Генеральной Ассамблеи. Послушно американское большинство в ООН последовательно голосовало против включения в повестку дня жалобы арабских стран на действия Франции в Марокко, затем против обсуждения вопроса о представительстве Китая в Организации Объединенных Наций, но зато охотно включило в повестку дня провокационную титовскую клевету против СССР.

Однако мировое общественное мнение реагировало на позицию американского блока на Ассамблее совсем не так, как того ожидали Вашингтон и его сообщники. Отклонение предложения о рассмотрении марокканской проблемы вызвало возмущение во всем арабском мире и особенно в Северной Африке, где французская колониальная администрация продолжает высказывать поводы для новых репрессий.

Что касается вопроса о представительстве в ООН Китайской Народной Республики, то отношение к нему является столь откровенно антикоммунистическим «тотальной дипломатии», что даже самые ревностные последователи Ачесона, так же, как и реакционная печать, предпочитают молчать по этому поводу. И, действительно, довольно трудно заставить общественность согласиться с тем, чтобы международные вопросы разрешались без участия 475 миллионов людей, принадлежащих к одной нации.

Это упорное отстранение Народного Китая, кстати сказать, стоит на-нет всевозможные разоружения, отнимаемый г. Ачесоном. Впрочем, в узких кругах «западников» и не скрывается, что этот план лишен всякого содержания и представляет собой просто-напросто пропагандистский трюк. Речь А. Я. Вышинского и конкретные предложения Советского Союза о подлинном разоружении, о заключении Пакта Мира между великими державами, о немедленном прекращении военных действий в Корею обрели на провал туманное словесное «мирное наступление». Многочисленные собрания сторонников мира, состоявшиеся несколько дней назад в Париже и в Парижском районе, показали, что французский народ понимает и одобряет советскую политику мира, что он не обманывается насчет американских планов, беспечность которых совершенно очевидна для всякого человека, не лишенного здравого смысла.

Провакционный характер американской политики ясно виден и в факте принятия на рассмотрении Генеральной Ассамблеи грязной клеветы безгражданин фашистов против Советского Союза. Сразу приходит на память, что американские «журналисты», вдохновляемые и руководимые государственным департаментом, в своих преступных мечтаниях на страницах американских журналов «Кольерс» начинают третью мировую войну с безгражданин иншпендента; это позволяет Вашингтону «обмануть» Советский Союз во «вместительстве» во внутренние дела Югославии. Таким образом специальный номер «Кольерса» проливает свет на пресловутую «жалобу» Югославии, включенную в повестку дня Ассамблеи. Мы, видимо, имеем дело с репетиторской провокацией, по схеме намеченной госдепартаментом и Пентагоном...

Общественность в письмах и телеграммах, через посредство делегаций, направляемых в ООН, требует заключения Пакта Мира между пятью великими державами, требует, чтобы Организация Объединенных Наций стала инструментом мира, а не инструментом войны.

Пьер КУРТАД
ПАРИЖ, 14 ноября. (По телеграфу)

Город на Тедонгане

Каждый город имеет свой облик, свои неповторимые, только ему одному присущие приметы. Тем, кто впервые похаживал к Пхеньяну, скажем, два года назад, навсегда запомнилась величественная картина — стремительный поворот дороги, пологой река Тедонган, поднимающаяся к небу белоснежные корпуса чудесного здания университета имени Ким Ир Сена — первого университета в Северной Корее.

И вот мы вновь в знакомой дороге, ведущей к Пхеньяну... По обочинам выстроены порывающие от дождя остовы разбитых автоматов, бронетранспортеров и танков, с которых почти стерлась, сливаясь эмблема вооруженных сил США. После крутого поворота вышло на шоссе темное небо возникает очертания обгоревших, разбитых корпусов. Шофер тормозит. В молчании мы смотрим на руины здания университета, любовно возведенного руками корейского народа и теперь варварски разрушенного американцами.

Что еще можно уничтожить, жечь, истреблять в Пхеньяне, мирном городе, превращенном интервентами в развалины? Фуганские бомбы лишь поднимают черную пыль, еще и еще раз пероворачивая и взрывая груды кирпичика и железа. Американские летчики каждую ночь освещают город ракетами, фотографируют Пхеньян, запечатывая на пленке земляные хижинки, лотки, насех построенные убежища, в которых живут тысячи пхеньянцев. В эти постройки, на головы людей и летят американские бомбы.

С остошением, возрастаящим от месяца к месяцу, бомбит американцы Пхеньян и его окрестности, расстреливают мирных людей. Только за октябрь и ноябрь они сбросили на Пхеньян около 4 тысяч бомб разного калибра.

Летом, когда над Касоном взвились белые флаги, всему миру стало очевидным, что планы захватывания Кореи терпят крах, что под давлением мирового общественного мнения агрессорам пришлось пойти на переговоры. Однако в часы, когда американские офицеры проносились свои лицемерные речи в Касоне, в небе над Пхеньяном попрежнему рыскали американские самолеты, и рабочий Те Чан Хэк, стиснув зубы, искал в дымящихся развалинах трупы своей жены и троих детей...

— Я не покидал Пхеньяна с первого дня войны, — сказал нам старый кореец Ли Мун Сиг, — я пережил все бомбардировки, но то, что делают эти варвары в последнее время, нельзя выразить словами. У меня погибли жена, двое внуков. Я внимательно читаю газеты и понимаю, почему эти звери так ожесточенно бомбят город. Они хотят загнать нас, заставить стать на колени. Но они плохо знают корейцев!

Весь мир является свидетелем того, что именно американские генералы, как указывал трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 8 ноября глава советской делегации А. Я. Вышинский, макартуры, риджуи и их Вашингтонские покровители упорно срывали все попытки корейских и китайских представителей добиться успеха в переговорах.

И сейчас, когда переговоры перенесены в Паньмыньчжун, когда корейские и китайские представители пошли на новые уступки, зверские бомбежки Пхеньяна продолжаются. непрерывно. Но Пхеньян

стоит, не сгибаясь. Он живет и борется. Он попрежнему остается центром культурной и общественной жизни новой Кореи. Ежедневно выходят газеты, ежемесячно читатели получают литературно-художественные и общественно-политические журналы, издаются новые книги.

Среди руин, то там, то здесь виднеются сколоченные из досок магазины и палатки, где продаются книги на корейском, русском, китайском, английском и японском языках. Никого не удивляет, когда на подгородних, покосившихся телеграфных столбах, на обожженных листах фанеры появляются написанные мелом объявления о предстоящих лекциях на самые разнообразные темы — о преобразовании природы в странах народной демократии, о великом корейском флотоводе XVI века Ли Сун Сине, о дружбе корейского и китайского народов. На эти лекции, обычно устраиваемые в подземных клубах, собирается много слушателей.

На столе заместителя министра культуры и пропаганды Ки Сэк Пока мы видели стопку писем от солдат и офицеров Народной армии, от рабочих, крестьян, учащихся. Во всех этих письмах одно требование — выпускайте больше книг, больше книг, газет, журналов. — Вот видите, — сказал Ки Сэк Пока, — народ, войны требуют больше книг. А ведь мы, несмотря на тяжелую обстановку, и так издаем их больше, чем до

войны. У людей сейчас, как никогда, великое стремление к знаниям, к науке, к познанию жизни во всей ее красоте и величии. Это и понятно: наш народ отстаивает сегодня жизнь и смерти.

Да, люди читают новые книги, ученые думают о проектах новых городов, заводов, театров, которые будут воздвигнуты на месте разрушенных. Каждый борется и создает. И это в то время, когда на фронте идет ошеломительное наступление, широко разрекламированное Риджуэном, но уже захлебнувшееся в крови американских и лысынаровских солдат, в то время, когда американские самолеты ежедневно обрушивают смертоносный груз на корейские города и села.

Пхеньянец попрежнему неутомим, самодержавен, стойки. Вновь возведенные разрушенные дамбы, починены дороги, построены убежища, работают магазины, парикмахерские, почта... Крестьяне везут в город рис и овощи. Они едут по черным опаленным улицам, мимо вздыбленных взрывами трамвайных рельсов, мимо домов, в каждый из которых попали десятки бомб.

Город на реке Тедонган, город-герой живет, трудится, сражается.

Специальный корреспондент «Литературной газеты»
Ирина ВОЛК,
Виталий ЛАТОВ
ПХЕНЬЯН, ноябрь. (По телеграфу)